

ЗАМЕТКИ О КАЛЕНДАРЕ МАЙЯ: (монумент Е в Трес-Сапотес)

Развалины древнего «ольмекского» города, известные у местных жителей под названием «Трес-Сапотес» (сапоте, или ахра, — дерево, похожее на лавр), находятся среди тропических зарослей на берегах реки Уэйяпан, к северу от гор Тустла (штат Веракрус, Мексика). Раскопки американской археологической экспедиции под руководством М. Стирлинга, начатые в 1939 г., показали, что здесь находился крупный культовый центр.

Небольшая прямоугольная площадь окружена земляными холмами. На низких каменных платформах стояли гигантские головы, высеченные из глыб черного базальта. У подножия некоторых холмов возвышались стелы и алтари с изображениями. На стеле С высечена самая ранняя дата, найденная на «ольмекских» памятниках: 7.16.6.16.18 VI «Хец'-наб» (что соответствует 31 г. до н.э.). Остатки надписи неразличимы. Сама стела, как и многие другие «ольмекские» памятники, по-видимому, была умышленно разбита. Ранние города-государства, очевидно, не раз были ареной бурных политических событий. Трес-Сапотес, кроме того, подвергся страшному стихийному бедствию. Во время извержения вулкана жители бежали из горящего города, но в дальнейшем снова вернулись на засыпанные вулканическим пеплом руины.

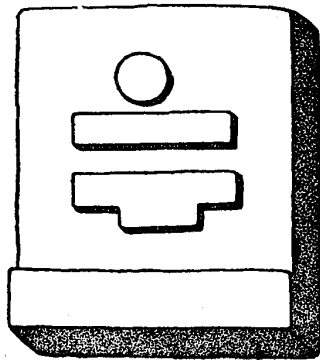

Рис. 1

По-видимому, к раннему периоду, до извержения вулкана, относится странный памятник. На берегу речки одна скала была обтесана в виде прямоугольного столба с надписью без каких-либо изображений и украшений (рис. 1). Весьма лаконичная надпись состоит из цифры 6 (кружок и черта) и одного знака дня — «Ик'». Знак дня имеет обычную лапидарную форму, как в надписях майя, однако лишен овала, в который заключались знаки по принятым позднее каллиграфическим правилам.

VI Ик' — обыкновенная дата 260-дневного цикла, принятого во всех календарях Мезоамерики, ведущих происхождение от исходного календаря, который можно условно назвать «ольмекским». Для чего потребовалось увековечить (в буквальном смысле слова) эту дату с такими усилиями? Судя по отсутствию сопровождающей надписи или сцены, дата сама по себе была достаточно многозначительна и не нуждалась в пояснениях. Зато сейчас она представляется совершенно загадочной и вызывает у археологов, по выражению известного исследователя «ольмеков» Майкла Ко, нечто вроде мук Тантала. Какого-либо истолкования до сих пор эта дата не получила. Ясно только, что скалу обтесывали во времена, когда 260-дневный цикл был уже известен.

Этот цикл образован в результате комбинации 13-дневки (дни которой обозначались числами) и 20-дневки (каждый день которой имел определенное название). Цикл, естественно, начинался в первый день 13-дневки и 20-дневки (у майя — I Имиш) и заканчивался в последний (XIII Ахав), после чего счет начинался сначала. О происхождении 260-дневного цикла высказано много гипотез, связывающих его путем разных комбинаций с различными астрономическими периодами. В рукописях майя этот цикл, в качестве своего рода «общего знаменателя», увязан вообще со всеми упоминаемыми астрономическими периодами (путем подбора наименьших кратных), что свидетельствует о его важной роли, но отнюдь не объясняет смысла. Между тем пояснения к этому циклу в тех случаях, когда он дан по порядку, т.е. начиная со дня I Имиш, не оставляют никакого сомнения в том, что речь идет о земледельческих работах. 260 дней как раз охватывают весь земледельческий период работ — от посева до сбора урожая поздней кукурузы. Отсюда приходится сделать вывод, что первоначально это был не повторяющийся непрерывно цикл, передвигавшийся по всем сезонам, а определенный период, начинавшийся одновременно с сезоном дождей (время посева) и охватывавший часть года. (В оставшуюся часть года незачем было утруждать себя счетом времени.) Днями этого периода было удобно обозначать не только земледельческие праздники, но и, например, определенные растения (по времени созревания или цветения). Превращение старинного земледельческого периода в непрерывный цикл привело к раздвоению ряда праздников, которые, с одной стороны, остались сезонными, а с другой — стали отмечаться не только раз в год, но и раз в цикл, приобретая некий таинственно-мистический характер (равно как и обозначения днями 260-дневного земледельческого периода богов, растений и т.п.).

Превращение 260-дневного неподвижного периода в цикл было отнюдь не первой (и не последней) операцией древних реформаторов календаря. Сам 260-дневный период по форме, в свою очередь, является примером обесмысливания древних названий, точнее, превращения их

в таинственно-мистические. Составляющие компоненты этого периода, 13-дневка и 20-дневка, возникли, по-видимому, в разное время и притом совершенно независимо друг от друга. 13-дневка неразрывно связана с небесной символикой (13 зодиакальных созвездий, 13 небес) и является, вероятно, округленным полумесяцем. 20-дневка, с особым названием для каждого дня, совершенно недвусмысленно связана с «посевной кампанией». Первоначально эта двадцатка была единственной и охватывала короткий, но решающий судьбу будущего урожая период от посева до укрепления подрастающей кукурузы, когда требовались постоянная охрана полей от поедающих всходы и зерна птиц и зверей, прополка, а также моления о дожде. Весь ряд из 20 названий дней, начинающийся словами «семена — ветер — дождь», первоначально явно был осмысленным и представлял собой что-то вроде «азбуки сеятеля», напоминавшей о самом важном в это время. Комбинация 20-дневки и 13-дневки дала возможность точно датировать любой день всего земледельческого периода, но лишила названия дней первоначального смысла (в переводе же на другие языки¹ многие названия были калькированы со случайных омонимов и вообще лишились смысла, например «дом» вместо «дождь»). Аналогичным образом превращение неподвижного 260-дневного периода в непрерывный цикл дало возможность точно датировать любой день в году, но лишило первоначального смысла земледельческие даты и их символику. По-видимому, еще до превращения периода в цикл было проведено небольшое уточнение математического свойства, а именно — в календаре стали считать только истекшее время. Поэтому, например, первый день месяца именовался нулевым, второй — первым и т.д. Соответственно первый день 20-дневного периода следовало обозначать уже не I *Имиш* (текущий), а XIII *Ахав* (предыдущий, истекший). Именно так пишутся даты в классических надписях и рукописях майя.

Монумент Е в Трес-Сапотес, по всей видимости, был высечен еще до превращения 260-дневного периода в цикл. VI *Ик'* — 162-й день этого периода (считая I *Имиш* первым днем). Обращает на себя внимание, что 162 дня — это точная продолжительность лунного полугодия, т.е. 6 сидерических месяцев по 27 дней. Сидерический месяц, за который луна проходит по небу путь через 13 (по древнему мексиканскому подразделению) зодиакальных созвездий, составляет 271,3 суток, что можно округлить до 27 или 28 дней (первое точнее). Возникает, однако, вопрос: был ли вообще в древней Мексике лунный календарь и для чего мог понадобиться лунный полугод?

В многочисленных календарных выкладках рукописей майя лунный календарь сколько-нибудь заметной роли не играет. Больше того,

¹ Судя по этим переводам, исходные названия дней были даны на одном из языков майя.

создается впечатление, что его умышленно избегали. Однако V раздел Дрезденской рукописи (с. 30–36) специально посвящен большому лунному циклу в 1.13.4.0 (в записи майя) дней, начинающемуся XII *Ламат*. Этот большой цикл состоит в основном из лунных полугодов продолжительностью в 177 дней (т.е. 6 синодических месяцев в 29 и 30 дней попеременно). Обращает на себя внимание, что большой лунный цикл начинается XII *Ламат*, 168-й день 260-дневного периода. 168 дней — это точная продолжительность лунного полугодия, считая 6 сидерических месяцев по 28 дней. В рукописях майя 27-дневный месяц не фигурирует, однако в порядке исключения, или, скорее, реликта, есть таблица 12 сдвоенных 27-дневных месяцев и цикл в 1.17.2 дня, т.е. из 26 таких месяцев (Дрезденская рукопись, с. 49–52). Наоборот, 28-дневный месяц официально принят в рукописях. 13 таких месяцев составляют часто употребляемый 364-дневный год. По-видимому, менее точное округление сидерического месяца до 28 дней понадобилось именно для сближения лунного и солнечного календарей. При этом 5-летний цикл (в записи майя 5.1.0) датирован тем же днем XII *Ламат*, или началом лунного полугодия в 260-дневном периоде. В этом же разделе (Парижская рукопись, с. 24–23, справа налево) 13 соответствующих зодиакальных созвездий изображены в виде животных начиная с Овна (первый рисунок стерся, второй — гремучая змея, созвездие Плеяд, третий — черепаха, созвездие Близнецов, и т.д.). Отсюда можно заключить, что реформа календаря, по которой был принят 28-дневный месяц и 364-дневный год, имела место (как и реформа Юлия Цезаря) во времена, когда весеннее равноденствие приходилось на созвездие Овна. 27-дневный месяц употреблялся до этой реформы, в более древние времена.

В классической дате майя лунный календарь употребляется, причем счет ведется только по полугодам, т.е. после 6-го месяца идет опять 1-й и т.д. Месяцы при этом употребляются только синодические, в 29 и 30 дней попеременно, что каждый раз особо отмечается. Классическая дата майя появилась в результате реформы календаря, по которой был введен 365-дневный солнечный год и его комбинация с 260-дневным циклом, составившая 52-летний цикл. Лунный календарь с его полугодиями при этом был выделен совершенно отдельно и в дальнейшем утратил значение.

Таким образом, в источниках майя лунный полугод четко засвидетельствован, причем его традиционным началом считается XII *Ламат*, 168-й день 260-дневного периода, т.е. через шесть 28-дневных месяцев после I *Имиш*. При 27-дневном месяце лунный полугод должен был начинаться в 162-й день, VI *Ик'* (текущий 163-й). Эта дата и начертана на высеченном из скалы монументе в Трес-Сапотес. Памятник сделан, конечно, не из любви к астрономии и не от восхищения ритмом времени. Его создателей интересовали куда более актуальные дела.

Полугода имели очень большое значение. В племени (или в группе племен), организация которого послужила образцом для позднейшей ритуальной практики, получившей широкое распространение, существовала сезонная власть двух вождей фратрий — летнего и зимнего: сезона дождя и сезона засухи.

У юкатанских майя XVI в. два пятидневных праздника делили год пополам. На первом празднике (в начале месяца *Пауи*) избирался военный вождь *након* (в XVI в. власть его продолжалась 3 года, или 6 полугодов). Второй праздник (в конце месяца *Шул*, через 180 дней, не считая добавочных «дней без имени») был специально посвящен богу Кецалкоатлу и правителю. Пополам здесь делился 360-дневный солнечный год. Однако характерной особенностью обоих праздников были ночные бдения, первоначально связанные, очевидно, с наблюдениями за луной.

Дата на монументе E VI *Ик'* отмечает начало лунного полугодия с подсчетом дней по 27-дневному сидерическому месяцу. Древним земледельцам было крайне важно точно определить время наступления дождей, т.е. срок посева (к этому времени должно было закончиться выжигание новых участков в лесах). Для этого делались попытки совместить лунный и солнечный календари сначала в виде 360-дневного, затем 364-дневного годов. В лунном календаре понятия «год» вообще не было, а употреблялись полугодия, по образцу двух старинных сезонов — зимы (засухи) и лета (дождя). Лунным календарем заведовала, естественно, великая богиня луны, покровительница женщин, владычица приливов и т.п. У нее под началом было шесть довольно мелких богов (по числу месяцев полугодия) и два крупных бога основных сезонов — дождя и засухи. В качестве верховной распорядительницы богиня луны передавала власть очередному сезонному богу, к которому, надо полагать, переходила свита из шести мелких богов-месяцев. Символом власти был топор — основное орудие земледельца при расчистке новых участков.

Великая богиня луны неоднократно фигурирует на «ольмекских» памятниках. На стеле 3 в Ла-Вента она изображена со здоровенным топором-кельтом в руке, передающей власть на сезон бородатому богу дождя (рис. 2). Над ними свита из шести богов-месяцев в виде летящих друг за другом карликов с разными лицами и символическими головными уборами. Из них первый, т.е. дежурный, несет дождевые капли. У богини пышный символический головной убор, увенчанный двумя ветвями с 14 парами листьев на каждой; между ветвями на толстом стебле цветок, он же, видимо, диск луны.

На другой стеле в Ла-Вента богиня изображена на фоне большого лунного диска, также со свитой из шести богов-месяцев, стоящих на одном колене с топорами в руках. В других случаях эти боги символи-

Рис. 2

зируются просто топорами. Например, в тайнике под платформой в Ла-Вента стояло вертикально шесть нефритовых топоров-кельтов с неясными изображениями, а около них 16 человеческих фигурок (вероятно, по традиционному числу родов в племени; столько же было, например, в племени ица при завоевании Юкатана).

Назначение памятников с такими сценами, как на стеле 3 в Ла-Вента, в общем вполне понятно. У их подножия совершались обряды и моления о необходимых для посевов дождях. Дожди были нужны на протяжении всего начала земледельческого периода, поэтому никакой точной лунной даты на таких памятниках не требовалось. Монумент Е — памятник совершенно иного рода. На 162-й день земледельческого периода или около этого дня никаких земледельческих работ не велось и особых обрядов или молений, связанных с посевами, тоже не требовалось. Зато нужно было избрать военного вождя в ожидании предстоящей «битвы» за урожай. Военный вождь должен был, во-первых, организовать охрану своего урожая и, во-вторых, по возможности отнять чужой или хотя бы ограбить несколько купцов (главное

занятие бога войны, по Мадридской рукописи). Связанный с борьбой за власть срок переизбрания или передачи власти необходимо было точно установить. Очевидно, приход к власти «зимнего» вождя был приурочен точно к началу осеннего лунного полугодия, считая предыдущий, летний, со дня I *Имиш*. Однако сезонный вождь, естественно, стремился захватить власть, для чего требовалось продлить срок полномочий. Например, након маяя XVI в. избирался на 6 полугодий, которые, очевидно, рассматривались как «большой полугод». Сезонные (вероятно, «зимние») вожди в «ольмекских» городах-государствах, несомненно, добились продления власти на значительный срок и фактически стали правителями.

Высеченный из скалы монумент с лаконичной датой, очевидно, был свидетелем бурных сцен избрания правителя. Дата VI *Ик'* была, конечно, понятна всем жителям, знающим счет дней в 260-дневном периоде, и не требовала грамотности (цифры и символы дней, вероятно, были общеизвестны). Пояснения к дате не требовалось. Избрание правителя было слишком важным событием в городе. Отсутствие надписи, по-видимому, объясняется тем, что монумент был рассчитан не на одного правителя, а на неопределенное время. В самом деле, на стеле имело смысл изобразить, в пропагандистских целях, пришедшего к власти (разумеется, не на полгода или на год, а на значительно больший срок) правителя, делая упор на божественный характер его власти. Вероятно, именно такая сцена изображена на стеле D в Трес-Сапотес (рис. 3). В центре стоит великая богиня луны, вручающая неясный объект стоящему перед ней на коленях персонажу, по всей видимости, очередному правителю. За спиной богини стоит бог, подчеркнута высокого роста, с копьем в руке (по-видимому, вариант бога Тош у майя). Таким образом, сцена вполне ясно показывает, что правитель получил власть персонально от великой богини, а сверх того, находится под покровительством воинственного бога. Что ожидает слушников, сразу становится понятным даже без знания символики.

Символика (например, трехэтажный головной убор богини) пока совершенно не изучена, хотя она весьма важна для понимания не только мифологических сцен, но и политических событий, потрясавших молодые города-государства. Судя по сценам и различным косвенным данным, в городах шла борьба за укрепление государства в условиях очень сильных традиций племенной организации. Материальная база для возникновения государства была создана благодаря успехам земледелия, которое стало давать высокий прибавочный продукт. На очереди стояла борьба за власть между соперничающими родами и связанными с ними группами жрецов, подводивших идеологическую базу под узурпацию власти. Календарь, сыгравший важную роль в успехах земледелия (чем и объясняется его широкая популярность в Мезоамерике,

Рис. 3

несмотря на кажущуюся нелепость 260-дневного цикла), стал широко использоваться в качестве орудия политической борьбы, для обоснования причин продления срока правления.

Племенная организация, по-видимому, была еще сильна. Сохранялось традиционное деление на две фратрии, во главе с вождями, которым в мифологии соответствуют (в общем) бог дождя и бог солнца, правящие поочередно и даже имеющие по особому загробному миру. Сменой власти руководит великая богиня луны, которую, вероятно, представляла верховная жрица, игравшая очень важную роль хотя бы номинально (у майя XVI в. сохранялась на второстепенных ролях жрица *иш мол*, руководившая инициацией девочек и другими обрядами). На первый план в качестве правителя выступил, по всей вероятности, военный вождь, причем если их было два, то тогда «зимний», руководивший захватом урожая у соседей. При продлении власти правитель всячески подчеркивал два обстоятельства. Во-первых, опираясь на жреческие календарно-хронологические выкладки, он доказывал, что правит на совершенно законном основании, по указанию великой богини луны и под покровительством правящего бога. Во-вторых, он упирал на двуединую сущность своей власти, т.е. норовил выступать от имени

обеих фратрий (что завершилось появлением двухголового жезла в руках ранних правителей майя).

Первоначальным местом общеплеменных собраний и обрядов служило священное дерево. Собственно, монумент Е и заменяет такое дерево. Соответствующее мифическое дерево в рукописях майя изображается в виде двуединой змеи, с двумя головами (у корней), но единой пастью, слившимися в виде ствола телами и двумя ветвями, они же хвосты (две ветви этого племенного и одновременно мирового дерева фигурируют в числе символов, составляющих головной убор великой богини луны, как отмечалось выше). В состав племени входило, по традиции, 16 родов со своими тотемами и символами.

В дальнейшем эта структура была заменена иной, широко представленной в мифологии майя. Племя состоит из четырех равноправных фратрий. Соответствующие четыре бога сменяются у власти ежегодно (никаких лунных полугодов при смене власти не упоминается). У двуединого змеиного дерева хвосты, т.е. ветви, раздваиваются (получается дерево-змея с одной пастью, двумя головами и четырьмя хвостами). Вместо богини луны появляется довольно неопределенный бог-дед *Мам*, связанный то с улиткой, то с лягушкой, то с хищником, а иногда появляющийся в какой-то архаической юбке из несшитых полос.

Гибель «ольмекских» культовых центров (впрочем, не всех) была вызвана, по-видимому, целым рядом обстоятельств. Некоторые, вероятно, погибли под ударами своих же соперничающих друг с другом городов. Другими важными причинами гибели были растущее богатство и относительная военная слабость молодых городов-государств. Правители имели достаточно сил, чтобы держать в страхе соседние слабые племена и даже совершать грабительские походы в свободное от полевых работ время, но не могли оказать серьезного сопротивления сильным воинственным племенам, прельщенным слухами о сказочных богатствах. Были, однако, чисто внутренние причины раздоров, которые, по всей вероятности, и вызвали разгром многих «ольмекских» культовых центров, сопровождавшийся разрушением стел и других памятников, имевших религиозно-политическое значение. Очевидно, шла ожесточенная борьба между сторонниками старых племенных традиций и сторонниками нового государства, на фоне которой разгоралась борьба за власть. Вначале молодые города-государства, достигшие громадных по масштабам того времени успехов во всех областях, начиная с земледелия и кончая науками, явно пользовались поддержкой большинства жителей. Затем начало нарастать недовольство сразу по нескольким линиям. Претендующие на пожизненную и потомственную (по принятому позже принципу майората) власть, правители стремились сломить старые племенные традиции, встречая, очевидно, резкое противодействие как соперников, так и сторонников старых поряд-

ков. Общинники видели, что «прибавочный продукт» уходит на цели, несколько не улучшающие их жизнь. В ритуальной практике, по старым племенным традициям, преобладали магические обряды, которые, однако, стали совершаться с грандиозным размахом. Например, в Лавента в яме под мозаичной маской бога уложено в 27 рядов (по числу дней сидерического месяца, самый нижний, 28-й ряд, из больших глыб) около 1000 т плит из серпентина (камень доставлялся по морю и рекам с гор Тустла). Сама маска бога состоит, правда, всего из 486 (т.е. 27×18 , на другом конце площади такая же маска) тщательно отполированных ярко-зеленых плиток серпентина. Надежды воздействовать с помощью таких мероприятий (проводившихся, по-видимому, раз за разом) на силы природы (судя по цвету камня и числовой символике, речь идет, как обычно, о дождях для посевов, т.е. о повышении урожая), естественно, не оправдались, чем наверняка воспользовались враждебно настроенные жрецы, которыми явно были специалисты по солнечному календарю. Именно этот календарь дал возможность упорядочить земледельческие работы (определение сроков выжигания лесов и наступления дождей), а между тем по традиции сохранялся лунный календарь и связанные с ним магические обряды, требовавшие громадных усилий всех жителей. Враждующие группы жрецов, несомненно, руководили борьбой за власть и, конечно, умело использовали недовольство жителей. После ряда компромиссов «лунное правление» почти везде пало, а соответствующие памятники разбиты. Следы такой же борьбы отмечены в городах майя, где ранние стелы тоже разбиты или использованы как строительный материал. В ряде случаев памятники могли, конечно, разбить завоеватели и прочие святотатцы.

Изменения в календаре дают возможность до известной степени проследить ход этой борьбы, разумеется, весьма схематически. В конечном счете борьба велась за создание сильного государства с централизованной властью, против пережитков племенной организации. Идеологическим средством борьбы были жреческие учения, в которых главная роль отводилась «государству богов» с разными вариантами смены власти и иерархии. Отдельные победы увековечены разбитыми в куски скульптурами в заброшенных культовых центрах. Участвовавшие в борьбе группировки, вероятно, были довольно неустойчивы, а соответствующие учения противоречивы. Новшества, по-видимому, обычно вводились под видом реставрации якобы древних порядков, традиций. Разгром и опустение древних культовых центров вовсе не означали гибели определенной культуры. В ряде случаев просто нужны были, по ходу политических комбинаций, новые центры. Так, поздняя история Юкатана в описании хроник сводится к последовательному разгрому одной за другой столиц, начиная с храмов. Сначала по неясным причинам была разрушена первая столица Ичкаансихоо (на месте

которой испанские завоеватели основали свою столицу Мериду). Следующая столица — Чи-ч'еен-Ица — подвергалась основательному разгрому на том основании, что последний правитель впал в нечестие (украл чужую невесту). Победители, между прочим, принесли в жертву захваченного в плен верховного жреца, а священные стелы не поленились побросать в воду. В следующем туре побежденными оказались «узурпаторы», а новую столицу — Майяпан — построили по образцу разрушенной Чи-ч'еен-Ицы. Майяпан, однако, тоже пришлось разрушить и забросить, потому что его правители, хотя и легитимные, стали тиранами и даже завели себе иноземную гвардию. Во всех этих случаях руины столиц свидетельствовали отнюдь не о гибели культуры, а просто о победе очередного «правого дела» над «неправым».

В области идеологической борьбы тонкости жреческих учений о власти богов не были рассчитаны на понятность для всех жителей. Наоборот, этим учениям, первоначально основанным на вполне реальных данных о чередовании метеорологических, астрономических и других природных явлений, был придан таинственный, мистический характер, что давало возможность подвести основание практически под любые политические претензии. Практическая агитация среди населения велась жрецами, вероятно, с древнейших времен, в виде пророчеств. Жрецы-пророки, следующие (по форме) приемам древних племенных шаманов, получали откровения непосредственно от богов во сне (соответствующий бог прилетал на крышу дома, в котором спал жрец — Мадридская рукопись, с. 58–59), а свои пророчества, содержащие ясные требования с таинственным основанием, облекали в яркую художественную форму. Таким образом, непонятность учений должна была способствовать успеху политической агитации.

В борьбе за власть широко использовались демагогические приемы, рассчитанные на симпатии общинников к старым племенным традициям. Например, последних правителей Майяпана противники обвиняли в обращении в рабство «простых людей». Наконец, во внутреннюю борьбу городов-государств постоянно вовлекались соседние племена, союз с которыми мог дать решительный военный перевес одной из сторон. А честолюбивые вожди племен не упускали удобного случая превратиться из союзников во властелинов.

Распространение достижений ранних городов-государств способствовало развитию соседних племен. Различие в языках этому не препятствовало. Переводчиками служили пленные, захваченные при военных набегах. Вместе с распространением популярного солнечного календаря широкое хождение получили разные варианты учений о богах, а вместе с основами хронологического счета — этногонические легенды, совершенно не связанные с фактической историей племен.